

Основы современного “мандельштамоведения” сложились в 1960-е, когда под редакцией Г.П.Струве и Б.А.Филиппова было выпущено капитальное трехтомное “Собрание сочинений” М. (2-е изд., доп. и пересм.: Вашингтон, 1967–1971), включающее исследования Г.П.Струве “О.Э.Мандельштам: Опыт биографии и критического комментария” (вариант предисловия к однотомнику; то же см. в сб.: Струве Г. О четырех поэтах: Блок, Сологуб, Гумилёв, Мандельштам. Л., 1981), Э.М.Райса “Творчество Осипа Ман-дельштама”, Б.А.Филиппова “Проза Мандельштама” и “Неиз-вестный Мандельштам”, Ю.П.Иваска “Дитя Европы”, Н.А.Струве “Судьба Мандельштама” (на основе этой статьи написана монография, в 1979 защищенная в качестве докторской диссертации в Сорбонне, в 1982 опубликованная на французском, а позднее переведенная автором на русский язык; см.: Струве Н. Осип Мандельштам. Л., 1988; Томск, 1992). Из других работ необходимо упомянуть книгу И.Бушман “Поэтическое искусство Мандельштама” (Мюнхен, 1964); содержательные статьи В.В.Вейдле “О последних стихах Мандельштама” (Воздушные пути. 1961. № 2), И.В.Чиннова “Поздний Мандельштам” (НЖ. 1967. № 88), Ю.К.Терапиано “Осип Мандельштам” (Грани. 1951. № 50).

Е.Г.Домогацкая

МАНН (Mann) Томас (1875–1955)

17 марта 1922 газета “Руль” сообщила, что по приглашению берлинского “Дома искусств”, “знаменитый немецкий романист Томас Манн любезно согласился прочесть одно из своих ненапечатанных произведений в пользу русских писателей в Петрограде. Чтение состоится в понедельник, 20 марта”. Позднее в заметке “Лекция Томаса Манна” (Руль. 1922. 22 марта) сообщалось, что лекция “талантливое немецкого писателя собрала почти полный зал публики. С приветственным словом к Томасу Манну, написанным Н.М.Минским, выступила З.А.Венгерова”. В первой части программы М. прочитал доклад на тему “Гёте и Толстой”. Потом с речью на немецком языке выступил А.Белый, приветствовавший немецкого писателя и благодаривший за доставленное “огромное художественное наслаждение” и “еще больше за то”, что М. откликнулся на призыв оказать помощь бедствующим русским писателям

(Азадов-ский К.М., Лавров А.В. Новое о встречах Томаса Манна с русскими пи-

сателями // РЛ. 1978. № 4. С. 150). В конце вечера писатель прочитал новый рассказ “Несчастье на железной дороге” (“Das Eisenbahnungsglück”). Несколько дней спустя З.А.Венгерова выразила свои впечатления от вечера в статье “Томас Манн о современной русской литературе” (Накануне. 1922. 29 марта) и особо отметила, что среди немецких писателей М. всегда проявлял “особенное, исключительно восторженное отношение к русской литературе”, которая всегда была для него “святой русской литературой”. Поэтому выступление перед русской аудиторией было для писателя очень важно. После вечера, как сообщает З.Венгерова, “последовали частные беседы М. с русскими писателями и новые знакомства”.

Глубинная связь М. с русской литературой никогда не прерывалась и вновь проявилась во время его кратковременного визита в Париж в конце января 1926, когда он счел для себя необходимым встретиться с двумя крупнейшими русскими писателями, жившими в этом городе. По горячим следам об этой поездке М. сообщил Н.Оцуп в статье “Томас Манн в Париже” (Звено. 1926. 31 янв.). Позднее в довольно подробной статье “Томас Манн о русских писателях” (Руль. 1926. 4 авг.), перепечатанной с сокращениями газетой “Возрождение” (1926. 12 авг.), критик, пишущий под псевдонимом Гриф, привел выдержки из “Парижского отчета” (1926) М., посвященные описанию этих встреч. По его словам, “самый крупный представитель современной немецкой прозы” М., выступая в Париже «в роли “репрезентанта”, которая не оставила писателю буквально ни одной минуты», тем не менее, “следуя велениям своего сердца”, нашел время, чтобы посетить Ивана Шмелёва и выразить ему свое восхищение книгой “Солнце мертвых” (Париж, 1926), а также встретиться с Дмитрием Мережковским, являющимся для него “как бы персонификацией русской литературы вообще”. Обе встречи произвели на М. сильнейшее впечатление. «Я потрясен, — писал он о Шмелёве. — Сажу у импровизированного рабочего стола и смотрю в изборожденное морщинами, измученное лицо с седой бородой, в которое глубоко врезались те ужасы, о которых можно читать в романе “Солнце мертвых”, если на то хватит смелости; смотрю в это лицо — оно принадлежит 50-летнему, но выглядит на 15 лет старше». Полемизируя же с теми, кто видел в “Солнце мертвых” лишь “размягченность, слабыхарактерность, бесплодное возмущение единичной жертвы”, М. подчеркивал, что “такое мнение есть не что иное, как невежественная литература и высокомерная абстракция”. Рассуждая о роли Мережковского, чья книга о Достоевском и Толстом поразила его в юности, немецкий писа-

тель спорил с теми критиками, которые называли ее автора “переоцененным мещанином”, подчеркивая, что написавший «потрясающую и возбуждающую книгу о Гоголе “мещанин”» слывет таковым лишь из-за глубокой русской религиозности, заставившей его увидеть в большевизме антихриста и предпочесть безрадостную жизнь вдали от родины.

На присуждение М. Нобелевской премии по литературе в 1929 статьей “Томас Манн” откликнулась газета “Возрождение” (1929. 14 нояб.). Автор ее, Г. Раевский, видел в М. “наиболее бесспорного” из кандидатов, подчеркивал его огромную роль в современной немецкой литературе. В кратком очерке творчества писателя его первый роман “Будденброки” (1901) назван “событием в истории развития натуралистической школы”, которое одновременно стало и началом конца “чистого” натурализма для самого М., вся литературная деятельность которого прошла “под знаком психологического натурализма, — под знаком борьбы с ним, освобождения от него”. В истории четырех поколений Будденброков, изложенной в романе, — истории расцвета их семейного (бюргерского) благополучия в первой половине XIX в. последующего падения и развала, автор статьи уловил интонации, присущие произведениям швейцарского реалиста XIX в. Г. Келлера (1819–1890), выразителя “крепкой и сильной” бюргерской морали. У М. однако эта мораль подтачивается и к концу произведения разрушается ядом “приобщения” к искусству. Одной из важнейших тем всего творчества немецкого писателя Г. Раевский видел именно неизбежное рождение художника из “настоящего” бюргерства — ведь “переживания художника всегда сопровождаются страдательностью. И точный, яркий, сжатый образ, попадающий в цель с силой стрелы... — это месть художника миру за ту уязвимость, на которую он неизбежно им обречен”.

Е. В. Соколова

МАЯКОВСКИЙ Владимир Владимирович (1893–1930)

Через отношение к М. деятелей русского зарубежья во многом выражалась острота противоречий между метрополией и эмиграцией, становление господствующих иллюзий и мифов. Более двухсот книг, статей, рецензий, мемуарных заметок полностью или частично посвящены поэту. Столь высокая степень внимания объясняется прежде всего тем, что М. был «не просто футуристом, стихотворцем и литературным советским воином, но был и подлинным поэтом» (Осоргин М. Вл. Маяковский // ПН. 1930. 17 апр.). Он встретил революцию знаме-